

ЧУДО ЧУДНОЕ

#эксмогештаэ

РУССКИЕ СКАЗКИ

Народное творчество (Фольклор)

**Чудо чудное, диво
дивное (сборник)**

«ЭКСМО»

УДК 398.21(=161.1)-053.2

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

Народное творчество (Фольклор)

Чудо чудное, диво дивное (сборник) / Народное творчество
(Фольклор) — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-94835-2

Сборник русских народных сказок, оригинально построенный в виде сказочной старославянской азбуки. Гуси-лебеди, Царевна Несмеяна, Сестрица Аленушка, Василиса, Сивка-Бурка – любимые персонажи, известные сюжеты в превосходных стильных иллюстрациях Станислава Ковалёва.

УДК 398.21(=161.1)-053.2

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-699-94835-2

© Народное творчество (Фольклор)

© Эксмо

Содержание

Сказочная азбука	6
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка	27
Баба-Яга	34
Василиса Прекрасная	37
Гуси-лебеди	44
Диво дивное, чудо чудное	48
Елена Премудрая	51
Жар-птица и Василиса-Царевна	59
Заколдованная королева	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Чудо чудное, диво дивное (сборник)

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Сказочная азбука

Аа

Алконост – птица радости

Бб

Баба-яга

Вв

Водяной

Гг

Горе луковое

Дд

Двое из сумы

Ее, Ёё

Емеля-дурак

Ёрш Ершович

Жж

Жар-птица

Зз

Змей Горыныч

Ии, й

Иван-царевич
Чай

Кк

Ковёр-самолёт

Лл

Лихо одноглазое

Мм

Машенька

Нн

Несмеяна-царевна

Оо

Орёл-царевич

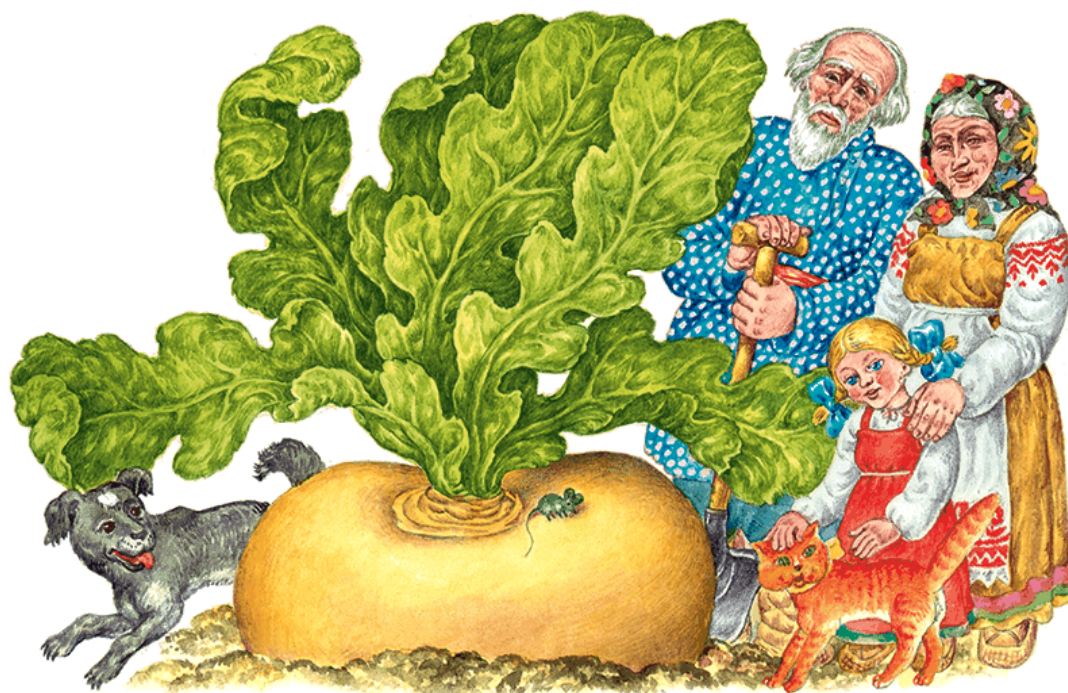
Пп

Покати-горошек

Рр

Репка

Сс

Снегурочка

Тт

Тройка

Уу

Усыня-богатырь

Фф

Финист – Ясный сокол

Хх

Хлеб-соль

Цц

Царевна-лягушка

Чч

Чародей

Шш

Шуты

Щц

Щука-чудесница

Ъ

Объезд худых мест

Ы, Ъ

Вилы, стрелы
Лень

Ээ

Эхо лесное

Юю

Вьюн-горюн

Яя

Ярмарка

* * *

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были муж с женой, и было у них двое детей: сыночек Иванушка да дочка Алёнушка. Умерла жена, и взял себе мужик в жёны другую – молодую, красивую. Только мачеха-то была злая колдунья. Невзлюбила она Алёнушку с Иванушкой, стала всячески изводить их, сживать со свету белого. Терпели-терпели они, пока отец был жив, а как умер, они и ушли раз ночью из дому – куда глаза глядят, по белу свету странствовать.

Идёт сестрица Алёнушка с братцем Иванушкой путём-дорогою; ночь прошла, ясный день настал. Идут они полями широкими, горами высокими – ни деревца, ни кустика. Солнце огнём палит, жар донимает, пот выступает. Захотелось Иванушке пить, и говорит он:

– Сестрица Алёнушка, пить очень хочется.

– погоди, братец: дойдём до колодца, там на-пьёшься.

Шли-шли – солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает. Видит Иванушка водицу в коровьем копытце.

– Сестрица Алёнушка, выпью я из копытца водицу.

– Не пей, братец, телёночком станешь, – говорит Алёнушка.

Послушался Иванушка, и пошли они дальше.

Идут они полями широкими, горами высокими – ни деревца, ни кустика; а солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает. Видит Иванушка водицу в лошадином копытце.

– Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца.

– Не пей, братец: жеребёночком сделаешься.

Послушался Иванушка и пошёл за сестрицей дальше.

Идут они – солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает. Видит Иванушка водицу в козлином копытце; не спросился у Алёнушки, припал к копытцу и выпил всю воду до дна. Оглянулась Алёнушка, а Иванушки нет: вместо него бежит за ней белый козлёночек. Как увидела Алёнушка, что с братцем случилось, залилась слезами горькими, а козлёночек скачет возле неё, резвится. Сняла Алёнушка с себя поясok и повела козлёночка. Шла она, шла и скоро очутилась в дремучем лесу. Набрела в том лесу на пустую избушку и стала в ней жить со своим братцем, козлёночком.

Охотился один царевич в том лесу. Наехал он на избушку, слез с коня и вошёл туда. Увидал красавицу Алёнушку, а с ней козлёночка и спрашивает:

– Скажи мне, красавица, кто ты, откуда и как попала в дремучий лес?

Отвечает ему Алёнушка:

– Зовут меня Алёнушкой, а козлёночек – братец мой, Иванушка. Невзлюбила нас ведьма, злая мачеха, ушли мы с братцем из родного дома, по белому свету странствовать. Наколдовала ведьма, навела порчу на воду по дороге, где мы шли. Напился мой братец Иванушка из козлиного копытца водицы и стал козлёночком.

Полюбилась царевичу Алёнушка, взял он её с собой, прихватил и козлёночка и повёз в своё царство. Там сыграл царевич свою свадьбу с Алёнушкой, и стали они все втроём с козлёночком жить во дворце; козлёночек вместе с ними и ест, и пьёт, и по царским садам гуляет.

Провела тем временем ведьма, злая мачеха, что Алёнушка жива и вышла замуж за царевича, а братец её Иванушка живёт при них козлёночком, и стала придумывать: как бы

погубить их обоих. Выждала, когда царевич уехал на охоту, пришла во дворец – и прямо к Алёнушке. А та в ту пору больна была, в постели лежала.

– Хочешь, я тебя, государыня, вылечу? – говорит ведьма. – Ходи по вечерним зорям на озеро купаться.

Послушалась Алёнушка и пошла вечером к озеру, а ведьма уж там ждёт её. Схватила она Алёнушку, навязала ей тяжёлый камень на шею и бросила в воду. Алёнушка и пошла ко дну. Увидал это козлёночек, что следом за сестрицей шёл, заплакал горькими слезами и побежал домой.

Воротилась ведьма во дворец, приняла на себя вид Алёнушки, в платья её нарядилась, велела привести к себе козлёночка и стала его бить-колотить, а сама говорит:

– погоди, приедет царевич, буду просить, чтобы тебя зарезали!

Козлёночек ничего сказать не может, только смотрит жалобно да слезами заливается.

Стала с тех пор злая ведьма приставать к царевичу:

– Вели зарезать козлёночка, опостылел он мне.

Удивляется царевич, что с женой сделалось: прежде она так любила козлёночка, а теперь просит его зарезать. Жалко было царевичу его, да делать нечего: послал слуг искать козлёночка.

А козлёночек, как узнал, что его зарезать хотят, побежал к озеру, лёг на бережку и кричит жалобно:

Алёнушка, сестрица моя,
Всплыви, всплыви на бережок:
Я – братец твой, Иванушка!
Котлы кипят кипучие,
Огни горят горючие,
Ножи точат булатные,
Меня хотят зарезати!

А Алёнушка ему из воды отвечает:

Родной братец Иванушка,
Тебе тяжко – мне тошней того:
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли!

Услышали слуги царевича и диву дались; взяли с собой козлёночка и повели к царевичу. Рассказали они ему, что слышали; царевич не верит и велит отпустить козлёночка.

Побежал козлёночек опять к озеру, а царевич следом за ним пошёл и спрятался на берегу за ракитов куст.

Лёг козлёночек на бережку и кричит жалобно:

Алёнушка, сестрица моя,
Всплыви, всплыви на бережок:
Я – братец твой, Иванушка!
Котлы кипят кипучие,
Огни горят горячие,
Ножи точат булатные,
Меня хотят реззати!

А Алёнушка из воды отвечает:

Родной братец Иванушка,
Тебе тяжко – мне тошней того:
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли!

Услышал царевич голос Алёнушки, побежал во дворец и велит людям закинуть в озеро сети шёлковые. Вытащили люди из воды Алёнушку с камнем на шее.

Вспрыснул её царевич живой водой – ожила Алёнушка, бросилась мужу на шею и рассказала ему про ведьму, злую мачеху. Велел царевич схватить мачеху и сжечь живьём.

Сожгли слуги ведьму, пепел по ветру развеяли. Как скрылся из глаз пепел злой ведьмы – оборотился козлёночек Иванушкой, красавцем-молодцем.

И стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

Баба-Яга

Жили-были муж с женой, и была у них дочка маленькая. Жена померла, мужик погоревал вволю, помаялся, побился год-другой, да видит, что всё у него в доме врозь пошло, и подумал: «Дай-ка я женюсь – авось лучше будет!»

И женился он на другой жене.

Стала мачеха на падчерицу злиться, стала её бить, да из дома гонять, да едой обделять – и всё только думала: как бы её и совсем-то со света сжить? Думала злая баба и надумала – послать девочку в дремучий лес к Бабе-яге.

– Ступай, – говорит мачеха, – к моей бабушке, что в лесу живёт в избушке на курьих ножках. Ты ей послужи, а она тебя всяким добром наградит, всякими сладостями наделит.

Пошла девочка-сиротинушка из дому, да прежде к родной своей бабушке завернула и рассказывает ей:

– Так и так, вот куда меня мачеха посылает.

– Ох, сиротинушка ты, горе-горькое, – говорит ей старушка-бабушка, – крепко мне тебя жаль, да помочь-то тебе не могу. Шлёт тебя мачеха не к своей бабушке, а к злой Бабе-яге! Смотри же, деточка, со всеми будь ласкова, никому грубого слова не молви, никого крошкой не обдели – авось и тебя тоже не оставят без помощи!

Напоила бабушка внуку на дорогу молочком, дала ей кусок ветчины да лепёшку за пазуху и отпустила в дремучий лес.

Пришла девочка в лес, видит: избушка на лужайке на курьих ножках стоит, на петушьей головке поворачивается. Как крикнула девочка серебристым голоском:

– Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом!

Поворотилась избушка, и видит девочка – лежит в избушке Баба-яга: у порога голова, в одном углу нога, в другом – другая, под самые полати коленками упёрлась.

– Фу-фу-фу! – говорит Баба-яга. – Откуда это русским духом запахло?

А девочка кланяется да говорит Бабе-яге:

– Здравствуй, бабушка! Меня к тебе мачеха служить послала.

– Ну что же, послужи, девушка, послужи.

И задала она девочке полотно два конца соткать. А сама вышла и говорит своей работнице:

– Ступай истопи баню, да вымой девочку, да смотри хорошенько, я хочу ею позавтракать.

Села девочка ткать, сидит ни жива ни мертва, плачет да и просит работницу:

– Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, – и дала ей платочек.

Ушла работница, а девочка покормила серого кота ветчинкой, погладила, спрашивает:

– Котинька, серенькой, как мне от Бабы-яги уйти?

– А вот, – говорит ей кот, – возьми это полотенце и гребень. Как погонится за тобой Баба-яга да заслышишь ты её близко, так брось за спину полотенце, и протечёт позади тебя глубокая да широкая река; коли станет она в другой раз нагонять – брось за спину гребень, и поднимется сзади тебя дремучий, тёмный лес: сквозь него уж ей не пробраться будет.

Взяла девочка гребешок с полотенцем да и побежала! Хотела было собака на дворе её рвать – она ей лепёшку бросила; хотели было ворота перед ней захлопнуться – девочка им под

пяточки маслица подлила; хотела было ей берёзка придорожная глаза веткой выхлестнуть – да девица её ленточкой перевязала. Так все её и пропустили, и выбежала она в чистое поле из лесу. А кот сел за красна и ткёт: не столько наткал, сколько напутал. Подошла Баба-яга к окошку и спрашивает:

– Ткёшь ли, внученька, ткёшь ли, милая?

– Тку, бабка, тку, милая! – замыкал ей кот в ответ.

Бросилась Баба-яга в избу, видит – девочки и слуху нет! И давай бить кота кочергой, приговаривать:

– Зачем девчонку отпустил, зачем глаза не выцарапал?

И говорит ей кот:

– Я тебе сколько лет служу – ты мне косточки не бросила, а она меня ветчинкой накормила.

Накинулась Баба-яга и на работницу, и на собаку, и на ворота, и на берёзку придорожную – зачем они девочку упустили?

Говорит ей в ответ собака:

– Я тебе сколько лет служу – ты мне горелой корки не пожаловала; а она для меня лепёшки не пожалела.

Говорят ей ворота:

– Мы тебе сколько служим – ты на нас и водой не плеснула; а она нам под пяточки чистого маслица подлила.

Говорит Баба-яге и берёза придорожная:

– Я тебе сколько служу – ты на меня ниточки не повесила; а она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

– Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга видит – дело плохо: пустилась поскорей в погоню; летит, поспешает, помелом след замает. Услышала девочка за собой погоню – бросила за спину полотенце: протекла позади неё река широкая и великая! Баба-яга билась-билась, весь берег избегала, нашла наконец брод в речке и опять пустилась за девочкой. Вот уж и близко, вот-вот нагонит! Бросила девочка скорей гребешок за спину! Поднялся позади неё лес густой, дремучий: корни с корнями сплетаются, ветви с ветвями свиваются, вершины к вершинам приклоняются. Баба-яга сколько ни билась, не могла сквозь тот лес пробраться и воротилась в свою избу.

А девочка-сиротинушка к отцу прибежала, обо всём ему поведала. Прогневался родитель на злую мачеху, прогнал её из дома и остался с той поры с дочкою жить-поживать да добра наживать.

**Я и сам у них в гостях был, их житьё-бытьё
видел, мёд пил, по усам текло, а в рот не попало.**

Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги её и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти одноклассница Василисе, – стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица; мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днём всё хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, хотя они и сидели всегда сложа руки, как барыни. А всё потому, что Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчует её, приговаривая:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у бабушки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы, и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе при сватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе. Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но та всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Раз мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису – прясть. Погасила огонь во всём доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать.

Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме. Надо сбегать за огнём к Бабе-яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду.

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!
– Тебе за огнём идти! – закричали обе. – Ступай к Бабе-яге! – И вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к Бабе-яге; Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечки.

– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у Бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо неё всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка Бабы-яги; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот – ноги человеческие, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет в чёрном и на чёрном коне; подскочил к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на поляне стало светло, как днём. Василиса со страху так и застыла на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья затрещали, сухие листья захрустели; выехала из лесу Баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась, обнюхала вокруг себя да и закричала:

– Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, говорит:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

– Хорошо, – сказала Баба-яга, – знаю я их, поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

– Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, Баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось.

Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать Яге кушанья, а кушаний настряпано было человек на десять. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала Баба-яга спать ложиться и говорит:

– Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь да пойдешь в закром, возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки. Да чтоб всё было сделано, а не то – съем тебя!

После такого наказания Баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне Баба-яга работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолился да спать ложися; утро вечера мудренее!

Ранёшенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всём. Глядит, а вся работа её уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

– Ах ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла.

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. –

Состряпай с богом да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет Баба-яга. Василиса встретила её.

– Всё ли сделано? – спрашивает Яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться. Потом крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись Богу да ложись спать: утро вечера мудренее, всё будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

– Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала Баба-яга. – Стоишь как немая?

– Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём.

– Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состаришься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде; кто он такой?

– Это день мой ясный, – отвечала Баба-яга.

– Потом обогнал меня другой всадник, на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

– Это моё солнышко красное! – отвечала Баба-яга.

– А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя тёмная – всё мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трёх парах рук и промолчала.

– Что ж ты ещё не спрашиваешь? – молвила Баба-яга.

– Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состаришься.

– Хорошо, – сказала Баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вывела она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась Василиса и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к дому, она хотела было бросить череп, но не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житьё к одной безродной старушке; живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Как набралось пряжи много, принялась Василиса за тканьё. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидел и спросил:

– Что тебе, старушка, надобно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и, как увидел полотно, удивился.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

– Умела ты напясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки шить.

– Не я, государь, пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приёмыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга; вошёл в горницу и говорит:

– Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить её из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

– Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку до конца жизни своей всегда носила в кармане.

**Было то давным-давно, а может, ещё и
никогда того не было, немудрено и забыть.**

Гуси-лебеди

Жили старичок со старушкою; были у них дочка да сынок маленькие.

– Дочка, а дочка! – говорит мать. – Мы с отцом пойдём на работу, принесём тебе булочку, сошьём платице, купим платочек, смотри, будь умна: береги братца, не ходи со двора.

Старшие ушли, а девочка забыла, что ей приказывали, посадила братца на травку под окошком, а сама побежала на улицу с подругами играть.

Вдруг налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика и унесли на крылышках.

Пришла девочка, глядь – братца нет! Ахнула, кинулась туда-сюда – нигде нет! Кликала, заливалась слезами, причитала, что худо будет ей от отца с матерью, – не откликнулся братец!

Выбежала она в чистое поле и видит: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом.

А гуси-лебеди эти давно себе дурную славу нажили: маленьких детей таскали.

Угадала девочка, что они унесли её братца, и бросилась их догонять.

Бежала-бежала, видит – печка стоит.

– Печка, а печка! Скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего ржаного пирожка, тогда скажу.

– Да у моего батюшки и пшеничные не едятся!

Печь не сказала.

Побежала девочка дальше. Стоит яблоня.

– Яблонька, яблоня! Скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу.

– Вот ещё, у моего батюшки и садовые не едятся!

Побежала девочка дальше, течёт молочная река, кисельные берега.

– Молочная речка, кисельные берега! Куда гуси полетели?

– Съешь моего простого кисельку с молоком – скажу.

– Как бы не так, у моего батюшки и сливочки не едятся!

Долго бы пришлось ей бегать по полям и бродить по лесу, да, к счастью, попался ей ёж; хотела она его толкнуть, но побоялась наколоться и спрашивает:

– Ёжик, ёжик! Не видал ли, куда гуси полетели?

– Вон туда! – указал ёжик.

Побежала девочка куда ёж указал. Видит – стоит избушка на курьих ножках, стоит – поворачивается.

В избушке сидит Баба-яга, сидит и братец на лавочке, золотыми яблочками играет.

Увидела его сестра, подкралась тихонько, схватила – да бежать, а гуси за нею в погоню летят. Вот-вот нагонят. Куда деться?

Бежит молочная речка, кисельные берега.

– Речка-матушка, спрячь меня!

– Съешь моего киселька!

Нечего делать – съела.

Посадила речка её под бережок, гуси пролетели мимо.

Поблагодарила девочка речку и опять побежала с братцем, а гуси воротились, летят навстречу.

Что делать? Беда! Стоит яблоня.

– Яблонька-матушка, спрячь меня!

– Съешь моего лесного яблочка!

Нечего делать – съела. Заслонила её яблонька веточками, прикрыла листиками; пролетели гуси и не видали.

Вышла девочка и опять бежит с братцем, а гуси увидели да за ней, совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге – печка.

– Сударыня печка, спрячь меня!

– Съешь моего ржаного пирожка!

Девочка поскорей пирожок в рот, а сама – в печь, села в устье. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали да ни с чем и улетели.

Девочка побежала домой, да хорошо ещё, что успела прибежать вовремя, пока отца с матерью не было, а тут и они домой вернулись.

**Стали они жить да поживать,
добра наживать, а худо забывать.**

Диво дивное, чудо чудное

Жил-был богатый купец с купчихою; торговал дорогими товарами и каждый год ездил с ними по чужим государствам.

В некое время снарядил он корабль; стал собираться в дорогу и спрашивает жену:

– Скажи, радость моя, что тебе из иных земель в гостинец привезти?

Отвечает купчиха:

– Я у тебя всем довольна; всего у меня много! А коли угодить да потешить хочешь, купи мне диво дивное, чудо чудное.

– Хорошо; коли найду – куплю.

Поплыл купец за тридевять земель, в тридесятое царство, пристал к великому, богатому городу, распродал все свои товары, а новые закупил, корабль нагрузил.

Идёт по городу и думает: «Где бы найти диво дивное, чудо чудное?»

Попался ему навстречу незнакомый старичок, спрашивает его:

– Что так призадумался-раскручинился, добрый молодец?

– Как мне не кручиниться! – отвечает купец. – Хочу я купить своей жене диво дивное, чудо чудное, да не ведаю где.

– Эх ты, давно бы мне сказал! Пойдём со мной; у меня есть диво дивное, чудо чудное – так и быть, продам.

Пошли вместе; старичок привёл купца в свой дом и говорит:

– Видишь ли – вон на дворе гусь у меня ходит?

– Вижу!

– Так смотри же, что с ним будет... Эй, гусь, поди сюда!

Гусь пришёл в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает:

– Эй, гусь, ложись на сковороду!

Гусь лёг на сковороду; старичок поставил её в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол.

– Ну, купец, добрый молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, всё в одну кучу собирай.

Вот они за стол сели да вдвоём целого гуся и съели.

Старичок взял оглоданные кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил:

– Гусь! Встань, встрепенись и поди на двор.

Гусь встал, встрепенулся и пошёл во двор, словно и в печи не бывал!

– Подлинно, хозяин, у тебя диво дивное, чудо чудное! – сказал купец, стал торговать у него гуся и сторговал за дорогие деньги.

Приехал домой, поздоровался с женой, отдаёт ей гуся и сказывает, что с этой птицею хоть всякий день некупленное жаркое ешь! Зажарь её – она опять оживёт!

На другой день купец пошёл в лавки, а к купчихе полюбовник прибежал. Такому гостю, другу сердечному, она куда как рада! Вздумала угостить его жареным гусем, высунулась в окно и закричала:

– Гусь, поди сюда!

Гусь пришёл в горницу.

– Гусь, ложись на сковороду!

Гусь не слушает, нейдёт на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородником – и в ту ж минуту одним концом сковородник прильнул к гусю, а другим – к купцовой жене, и так плотно прильнул, что никак оторвать нельзя!

– Ах, миленький дружок, – закричала купчиха, – оторви меня от сковородника, видно, этот проклятый гусь заморожен!

Полюбовник обхватил купчиху обеими руками, хотел было от сковородника оторвать, да и сам прильнул...

Гусь выбежал на двор, на улицу и потащил их к лавкам.

Увидели приказчики, бросились разнимать; только кто до них дотронется – так и прилипнет!

Сбежался народ на то диво смотреть, вышел и купец из лавки, видит – дело-то неладно: что за друзья у жены появились?

– Признавайся, – говорит, – во всём; не то навек так останешься!

Нечего делать, повинилась купчиха; купец взял тогда разнял их, полюбовнику шею накоптылял, а жену домой отвёл да изрядно поучил, приговаривая:

– Вот тебе диво дивное! Вот тебе чудо чудное!

Елена Премудрая

В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью.

Ровно в двенадцать часов слышится солдату голос из этой башни:

– Эй, служивый!

Солдат спрашивает:

– Кто меня кличет?

– Это я – нечистый дух, – отзывается голос из-за железной решётки, – тридцать лет как сижу здесь не пивши, не евши.

– Что ж тебе надо?

– Выпусти меня на волю; как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь; только помяни меня – и я в ту ж минуту явлюсь к тебе на выручку.

Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери.

Нечистый вылетел из башни, взвился кверху и сгинул быстрее молнии.

«Ну, – думает солдат, – наделал я дела; вся моя служба ни за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный суд и, чего доброго, заставят сквозь строй прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть».

Бросил ружьё и ранец на землю и пошёл куда глаза глядят.

Шёл он день, и другой, и третий; разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел он на дороге, заплакал горькими слезами и задумался:

– Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, завсегда был сыт и доволен, каждый день по три фунта хлеба получал; так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодной смертью. Эх, дух нечистый, всему ты виною.

Вдруг откуда ни возьмись – стал перед ним нечистый и спрашивает:

– Здравствуй, служивый! О чём горюешь?

– Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю.

– Не тужи, это дело поправимое! – сказал нечистый, туда-сюда бросился, притащил всяких припасов, накормил-напоил солдата и зовёт его с собою: – В моём доме будет тебе житьё привольное; пей, ешь и гуляй сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми – больше ничего не надобно.

Солдат согласился; нечистый подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принёс за тридевять земель, в тридесятое государство – в белокаменные палаты.

У нечистого было три дочери – собой красавицы.

Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости; известно – нечистый дух! На месте никогда не сидит, а всё по свету рыщет да людей смущает, на грех наводит.

Остался солдат с красными девицами, и такое ему житьё вышло, что и помирать не надо.

Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят – неведомо. Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются.

«Ладно же, – думает солдат, – буду целую ночь караулить, а уж узнаю, куда вы таскаетесь».

Вечером лёг солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждёт не дождётся – что-то будет?

Вот как пришло время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважинку.

Красные девицы принесли волшебный ковёр, разостлали по полу, ударились о тот ковёр и сделались голубками; встрепенулись и улетели в окошко.

«Что за диво! – думает солдат. – Дай-ка я попробую».

Вскочил в спальню, ударился о ковёр и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку.

Голубки опустились на зелёный луг, а малиновка села под смородиновый куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда.

На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон.

Немного погодя осветило и небо и землю – летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королева Елена Премудрая – такой красы неопи-санной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать!

Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Окончила ученье, вскочила на колесницу и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зелёного лугу и полетели каждая в свою сторону, птичка малиновка вспорхнула вслед за тремя сёстрами и вместе с ними очутилась в спальне.

Голубки ударились о ковёр – сделались красными девицами, а малиновка ударилась – обернулась солдатом.

– Ты откуда? – спрашивают его девицы.

– А я с вами на зелёном лугу был, видел прекрасную королеву на золотом троне и слышал, как учила вас королева разным хитростям.

– Ну, счастье твоё, что уцелел! Ведь эта королева – Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней была её волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала – и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зелёный луг, не дивись на Елену Премудрую; не то сложишь буйну голову.

Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает; дождался другой ночи, ударился о ковёр и сделался птичкой малиновкой.

Прилетела малиновка на зелёный луг, спряталась под смородиновый куст, смотрит на Елену Премудрую, любуется её красотой ненаглядною и думает: «Если б такую жену добыть – ничего бы другого и пожелать не осталось! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за ней и малиновка поле-тела.

Приехала королева во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили её под руки и увели в расписные палаты. А птичка малиновка порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королева целую ночь и глаз не смыкала – всё слушала.

Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом:
– Няньки и мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку малиновку!

Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку; да куда им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в руки не даётся.

Не стерпела королева, выбежала в зелёный сад, хочет сама ловить птичку малиновку; подходит к кустику – птичка с ветки не трогается, сидит опустив крылышки, словно её дожидается.

Обрадовалась королева, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне.

День прошёл, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зелёный луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель.

Как только уснула королева, птичка малиновка обернулась мухой, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем.

Подошёл добрый молодец к королевниной кровати, смотрел, смотрел на красавицу, не выдержал и поцеловал её в уста сахарные. Видит – королева просыпается, обернулся поскорее мухой, влетел в клетку и стал птичкой малиновкой.

Елена Премудрая раскрыла глаза; глянула кругом – нет никого. «Видно, – думает, – мне во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула.

А солдат попробовал в другой и в третий раз – чутко спит королева, после всякого поцелуя пробуждается.

За третьим разом встала она с постели и говорит:

– Тут что-нибудь да недаром: дай-ка посмотрю в волшебную книгу.

Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка малиновка, а молодой солдат.

– Ах ты невежа! – закричала Елена Премудрая. – Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь.

Нечего делать – вылетела птичка малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем. Пал солдат на колени перед королевой, прощения просит.

– Нет тебе, негодяю, прощения! – отвечала Елена Премудрая и позвала палача с плахой, рубить солдату голову.

Откуда ни возьмись – стал перед ней великан с топором и плахой, повалил солдата наземь, прижал буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнёт королева платком, и покажется молодецкая голова!..

– Смилуйся, прекрасная королева, – просит солдат со слезами, – позволь напоследок песню спеть.

– Пой, да скорей!

Солдат затянул песню такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама заплакалась; жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату:

– Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать – велю рубить тебе голову.

Вышел солдат из дворца, забрёл в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился:

– Ах, дух нечистый! Всё из-за тебя пропадаю.

В ту ж минуту явился к нему нечистый:

– Что тебе, служивый, надобно?

– Эх, – говорит, – смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячусь?

Нечистый дух ударился о сыру землю и обернулся сизокрылым орлом:

– Садись, служивый, ко мне на спину; я тебя занесу в поднебесье.

Солдат сел на орла: орёл взвился кверху и залетел за облака-тучи чёрные.

Прошло пять часов, Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела – и всё словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом:

– Полно, орёл, летать по поднебесью; опускайся на землю – от меня ведь не укроешься.

Орёл опустился наземь.

Солдат пуще прежнего закурился:

– Что теперь делать? Куда спрятаться?

– Постой, – говорит нечистый, – я тебе помогу.

Подскочил к солдату, ударил его по щеке и обратил булавкою, а сам сделался мышкою, схватил булавку в зубы, прокрался во дворец, нашёл волшебную книгу и воткнул в неё булавку.

Прошли последние пять часов.

Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела, смотрела – книга ничего не показывает; крепко рассердилась королевна и швырнула её в печь.

Булавка выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

Елена Премудрая взяла его за руку.

– Я, – говорит, – хитра, а ты и меня хитрей!

Не стали они долго раздумывать, в тот же день перевенчались.

**На той свадьбе и я был, мёд пил, а больше того через
край лил: по усам текло, а во рту словно не бывало!**

Жар-птица и Василиса-Царевна

Внекотором царстве, за тридевять земель – в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца – конь богатырский. Раз поехал стрелец на своём богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою – и наехал на золотое перо Жар-птицы: как огонь перо светится!

Говорит ему богатырский конь:

– Не бери золотого пера; возьмёшь – горе узнаешь!

И раздумался добрый молодец – поднять перо иль нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская милость кому не дорога? Не послушался стрелец своего коня, поднял перо Жар-птицы, привёз и подносит царю в дар.

– Спасибо! – говорит царь. – Да уж коли ты достал перо Жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь – мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошёл к своему богатырскому коню.

– О чём плачешь, хозяин?

– Царь приказал Жар-птицу добыть.

– Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься: это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтраму сто кулей белойрой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по всему полю сто кулей белойрой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался.

Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море – летит Жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошёл к Жар-птице, наступил на её крыло копытом и крепко к земле прижал, стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал Жар-птицу верёвками, сел на лошадь и поскакал во дворец.

Приносит царю Жар-птицу; царь увидел, возрадовался, поблагодарил стрельца за службу, пожаловал его чином и тут же задал ему другую задачу:

– Коли ты сумел достать Жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна – её-то мне и надобно. Достанешь – золотом-серебром награжу, а не достанешь – мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню.

– О чём плачешь, хозяин?

– Царь приказал добыть ему Василису-царевну.

– Не плачь, не тужи; это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотую маковкой да разных припасов и напитков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотую маковкой. Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли – приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывёт Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом помахивает.

Стрелец-молодец пустил своего коня в зелёных лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкой, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке – угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любителю на палатку.

– Здравствуй, Василиса-царевна! – говорит стрелец. – Милости просим хлеба-соли откусать, заморских напитков испробовать.

Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского напитка и крепким сном заснула.

Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню; конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкой, садится на богатырского коня, берёт с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

Приехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином.

Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем с лица переменялась; сколько царь ни уговаривал – всё понапрасну.

Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

– Пусть тот, кто меня сюда привёз, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано моё подвенечное платье – без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

– Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь – больше прежнего награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню. «Вот когда, – думает, – не миновать смерти!»

– О чём плачешь, хозяин? – спрашивает конь.

– Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

– А что говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживёшь! Ну, да не бойся: это ещё не беда, беда впереди! Садись на меня, да поедем к синю морю.

Долго ли, коротко ли – приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползёт, и наступил ему на шейку своим тяжёлым копытом. Заговорил морской рак:

– Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, всё сделаю.

Отвечал ему конь:

– Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на всё сине море; тотчас море всколыхнулося: сползлись со всех сторон на берег раки большие и малые – тьма-тьмушая! Старший рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась.

– Не пойду, – говорит царю, – за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться.

Царь приказал налить чугунный котёл воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот всё готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца.

«Вот беда так беда, – думает он. – Ах, зачем я брал золотое перо Жар-птицы? Зачем коня не послушался?»

Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

– Царь-государь! Позволь перед смертью с конём попрощаться.

– Хорошо, ступай прощайся!

Пришёл стрелец к своему богатырскому коню и слёзно плачет.

– О чём плачешь, хозяин?

– Царь велел в кипятке искупаться.

– Не бойся, не плачь, жив будешь! – сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу.

Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его слуги царские – прямо в котёл; он раз-другой окунулся, выскочил из котла – и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез в воду и в ту ж минуту обварился.

Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца.

Женился он на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

Заколдованная королева

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его честное поведение приказал король отпустить его в отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и сбруей.

Простился солдат со своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла; и другая, и третья – не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошади, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. «Ну-ка, – думает, – не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут – что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошёл. В палатах стол накрыт, на столе питьё и яства, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь, – думает, – и соснуть можно!»

Вдруг входит медведица:

– Не бойся меня, добрый молодец: я не лютая медведица, а красная девица – заколдованная королева. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство разрушится – я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился, медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше – тем сильнее; если б не данное обещание, кажись бы, одной ночи не выдержал!

На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить всё и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался – не нашёл выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться.

Переночевал и третью ночь, а поутру является к нему королева красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться.

Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чём не тужить.

Через сколько-то времени затосковал солдат о своей родной стороне, захотел туда наведаться; королева стала его отговаривать:

– Оставайся, друг, не езд: чего тебе здесь не хватает?

Нет, не смогла отговорить. Прощается она с мужем, даёт ему мешочек – сполна семечком насыпан – и говорит:

– По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадёт, там в ту же минуту деревья повырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.